

— У этого недостойного нет злого умысла, лишь любопытство, начальник Се сам может в этом убедиться, — Мин Чунъянь снова сильно кашлянул и усмехнулся. — Но раз уж меня раскусили, этот недостойный лучше придёт в другой день... Прошу прощения, простите обоих, тысячекратно извиняюсь!

Тень в стае птиц с трудом изогнулась, умудрившись даже сделать усилие и склониться в поклоне, после чего внезапно отлетела назад.

Стая птиц пробила высокие окна зала с грохотом и с рёвом умчалась прочь, в мгновение ока исчезнув в послеполуденном небе за пределами дворца.

С лёгким шлёпком персиковый веер, который Мин Чунъянь держал в руке, выскользнул, когда тот удирал, и упал на пол.

Дань Чао широко шагнул вперёд, чтобы поднять его, но Се Юнь остановил его рукой, сам наклонился и подобрал веер — оказалось, с внешней стороны на нём ничего не было, а на внутреннем крае прикреплена тонкая игла. Именно её отражение Дань Чао заметил, когда Мин Чунъянь поднял веер близко к щеке Се Юня, и был вынужден проявиться.

Се Юнь вытащил иглу, внимательно рассмотрел её, затем слегка фыркнул и бросил.

Дань Чао спросил напряжённым голосом:

— Яд?

— Нет. Он хотел взять пару капель крови.

— Зачем ему кровь?

Се Юнь не ответил, повернулся и оглядел Дань Чао:

— Ты что здесь делаешь?

Дань Чао уже почти забыл, зачем пришёл, но этот вопрос Се Юня вновь разжёл в молодом мужчине кипящую, пылающую кровь.

Хотя, к счастью, несмотря на то, что после удара в окно свет проник внутрь, в глубине зала освещение было ещё довольно тусклым. Его слегка покрасневшие щёки и яркий взгляд не были слишком заметны, лишь голос звучал неестественно странно:

— Ничего... несколько дней тебя не видел, слышал, ты заболел...

Се Юнь не высказал ни слова относительно его ответа, даже не проявил ни единой лишней эмоции. Он лишь развернулся, вернулся к широкому ложу, расстеленному на полу, поднял одеяние и накинул его на плечи.

Окружавшее его сияние, подобное Лазурному Дракону, к тому времени уже исчезло. В полумраке его обнажённый торс, подобный мраморной скульптуре, был стройным и прекрасным, но вскоре скрылся в глубоких складках просторного одеяния. Пояс также не был завязан, он спадал сбоку на пол. Взгляд Дань Чао упал на него: тёмно-красная шёлковая ткань отливала едва заметным блеском.

— Ты ранен? — Дань Чао с усилием отвёл взгляд и хрипло спросил.

Се Юнь ответил:

— Нет.

— ...Инь Кайян приходил к тебе три дня назад?

Тон Се Юня был ровным, без малейших изменений:

— Нет.

Дань Чао возникли подозрения, но он не мог спрашивать дальше. За это время он уже понял: нельзя сказать, что Се Юнь относится к нему плохо, даже по сравнению с обычной язвительностью начальника Се можно сказать, что относится «весьма хорошо» — но есть одна вещь, которую он никогда не делает: не отвечает на вопросы.

Се Юнь — не лучший учитель.

Се Юнь запахнул ворот и, устало повернувшись, казалось, собирался что-то сказать, но прежде чем он открыл рот, Дань Чао внезапно поднял руку и приложил ладонь к его груди.

Ладонь мужчины в этом возрасте излучала мощное тепло, и густая, горячая внутренняя энергия хлынула внутрь, непрерывно перетекая от сердечной меридианы к четырём конечностям и сотням костей. Все повреждения и боли в меридианах словно утихли под воздействием этой мягкой и мощной силы. Се Юнь замер на месте. Они смотрели друг на друга с расстояния в несколько цуней. Прошло полновременной отметки, внутренняя сила совершила полный цикл, и лишь тогда Дань Чао мягко опустил руку.

— Не благодари, — тихо произнёс Дань Чао, глядя на него.

Се Юнь медленно выдохнул и насмешливо бросил:

— Ты слишком много о себе думаешь.

Он направился к столу, и его шаги явно стали более плавными и естественными, чем раньше. В миг, когда они поравнялись, Дань Чао вдруг спросил:

— Что такое иньтяньцин?

Он лишь проверял, изначально предполагая, что Се Юнь не ответит. Но, к его удивлению, шаги Се Юня лишь слегка замедлились, после чего он, не оборачиваясь, пошёл дальше. В его голосе звучала насмешка, когда он произнёс всего четыре слова:

— Природа дракона — похотлива.

Дань Чао остолбенел.

— Четыре священные печати в основном заключают браки внутри кланов, только у семьи Лазурного Дракона часто бывают сбежавшие дети. Потомки, сохранившие Печать Лазурного Дракона, называются «инь», те же, кто может активировать печать, зовутся «тянь». Поэтому «иньтяньцин» — не лестное прозвище. Если ты ещё раз его упомянешь, береги свою жизнь.

Дань Чао был ошеломлён, но всё же спросил:

— Тогда твой отец или... твоя мать...

— Моя мать, — лениво ответил Се Юнь. — Но моя мать рано ушла. После того как предыдущий император низложил наследного принца Чэнцзя за мятеж, сослал его в Цяньчжоу, тот, не смирившись, тщетно надеялся вновь подняться. Услышав, что с поддержкой Лазурного Дракона можно заполучить Поднебесную, он послал людей разыскать меня. Как раз тогда Инь Кайян получил приказ выехать из столицы, чтобы казнить низложенного наследного принца. Увидев меня рядом, он усыновил меня и привёл в Скрытые врата, которые готовили убийц и наёмников для внутреннего двора — нынешние Врата Духов и Призраков, скитающиеся в мире боевых искусств.

Об этих отрывках он упоминал ранее, поэтому Дань Чао строил догадки, но не ожидал, что события связаны именно так.

— Тогда почему ты позже стал командиром императорской гвардии?

— В жизни всегда много случайностей, Мастер Синь Чао, — Се Юнь протянул слова, и насмешливый оттенок в конце фразы тут же плавно обратился вовне. — Человек стремится высь, вода течёт вниз. Твой учитель — человек, который ради славы и богатства готов идти по головам, и, естественно, хватается за любую возможность. Разве ты не знал об этом?

Дань Чао...

Первой реакцией любого было бы сказать: «Нет, ты не такой». Но Дань Чао внезапно осознал, что Се Юнь не скромничает: он действительно искренне и прямо стремится к власти — даже совершил такое чудовищное преступление, как покушение на жизнь наследного принца — и эти лицемерные слова утешения застряли у него в горле.

«Прекрасный человек, но почему же вор?»

Хотя эти слова и обидны, они как нельзя лучше подходят для описания Се Юня.

— Но ты свободен, — Се Юнь, казалось, с одного взгляда прочитал мысли Дань Чао. Его голос звучал хрипло, с оттенком болезни и усталости, но он всё же медленно произнёс. — Ты можешь выбрать остаться при дворе и реализовать свои амбиции, можешь вернуться в храм Цыэнь к старой лампаде и древнему Будде, или даже поехать обратно в Мобэй, скакать на коне, без ограничений и оков... С самого начала я не ограничивал твой выбор. До сих пор ты сам выбирал свой путь, и в будущем тоже будешь.

Се Юнь стоял посреди пустого зала, выглядел очень усталым, его лицо было холодно-белым, словно долго пропитанным ледяной водой, лишённым всякого тепла.

Он не использовал чувство долга, чтобы заставить Дань Чао принять предложение императрицы, даже не произнёс ни слова, чтобы удержать.

Но в этот момент, глядя на это изящное и измождённое лицо, Дань Чао почувствовал внезапный порыв, возникший неизвестно откуда в глубине души — он хотел сделать что-то, что разгладит брови Се Юня, уменьшит его усталость. Если действительно лишь власть и положение могут сделать этого человека счастливым, то он, Дань Чао, возможно, тоже мог бы немного уступить, немного пойти на компромисс...

Если бы это лицо перед ним могло хоть немного улыбнуться...

Если бы...

Ровно три дня томившее его в душе раздражение внезапно было полностью сожжено другим, более горячим и страстным чувством. Брови Дань Чао дрогнули, он резко шагнул вперёд, желая взять в свои руки холодные, синевато-белые руки Се Юня, сложенные перед ним.

— Я знаю, — он сглотнул слюну, кадык на крепкой шее скользнул. — Но если у тебя действительно трудности, то дело с императрицей я тоже могу...

Как раз в этот момент дверь зала снова постучали, и вновь раздался голос Ма Синя, сквозь дверь слышна была тревога:

— Начальник, начальник! Из чертога Цяньтай пришёл устный указ императора, говорят, произошло срочное дело, требует вашего немедленного присутствия для аудиенции!

Се Юнь резко отступил на полшага назад, избежав протянутой к нему руки Дань Чао.

Это сопротивление было очень тонким, но не оставило ни малейшего неловкого промежутка, потому что Се Юнь тут же громко спросил:

— Какое дело?

— Неизвестно! — воскликнул Ма Синь. — Но говорят, император одновременно вызвал также нескольких великих генералов. Кроме того, её величество императрица передала устное сообщение, сказав, что ранее не было возможности отправить весть: эти три дня за закрытыми дверями с императором беседовал бывший старший мастер Скрытых врат Инь Кайян!

Тыльная сторона ладони Дань Чао, лежавшая на эфесе меча, вздулась жилами.

В глубоких, как омут, глазах Се Юня промелькнула жестокость, но тут же бесследно исчезла. Когда он снова заговорил, голос его был совершенно спокоен:

— Понял. Передай в чертог Цяньтай, что я сейчас же буду.

<http://bllate.org/book/15578/1387315>